

Alternative strategies of economic policy execution in Russian Federation

Kapkanshchikov, Sergey Gennadevich

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Kapkanshchikov, S. G. (2012). Alternative strategies of economic policy execution in Russian Federation. *Modern Research of Social Problems*, 3, 1-20. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-401839>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:

<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more information see:

<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

УДК 338.2

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Капканщиков С.Г.

Цель – выработка оптимального варианта посткризисного развития российской экономики.

Методологической основой является концепция сравнительного анализа экономических систем.

Результаты: Дается классификация типов проводимой государством экономической политики, в соответствии с которой раскрывается содержание альтернативных стратегий предстоящего развития российской экономики; проводится критический анализ стратегии государственного регулирования экономики России в период ее рыночной трансформации с определением целевого ориентира ее кардинального изменения в обозримом будущем.

Область применения результатов: формирование и реализация государственной экономической политики.

Ключевые слова: экономическая политика, стратегия и тактика, либеральная политика, политика централизованного управления экономикой, мобилизационная экономика, политика «срединного пути», политика конкурентного порядка, точечная (пунктирная) политика, либералы и государственники, состояние статус-кво, сырьевая и инновационная модели экономического роста.

**ALTERNATIVE STRATEGIES OF ECONOMIC POLICY EXECUTION IN
RUSSIAN FEDERATION**

Капкانشчиков S.G.

Purpose – to propose the best option for development of Russian economy after crisis.

Methodological framework is the concept of comparative analysis of economic systems.

Results: The author provides a classification of various types of governmental economic policy, according to which the substance of alternative strategies of upcoming development of Russian economy is disclosed; the strategy of governmental regulation of Russian economy during its market transformation is critically assessed and the target for its future radical change is determined.

Practical implications – formation and implementation of the governmental economic policy.

Keywords: economic policy, strategy and tactics, liberal policy, policy of centralized control over economy, mobilization economy, “middle way” policy, market principles policy, discretionary (dotted-line) policy, liberals and Keynesians, status-quo, resource-oriented and innovational models of economic growth.

Проблема поиска путей выхода российской экономики из глубочайшего кризиса и обеспечения ее устойчивого роста является в последние два десятилетия, безусловно, центральной в отечественной экономической науке. Несмотря на становление в России экономики рыночного типа, разрешение этой актуальной проблемы предполагает активное государственное участие в формировании и реализации стратегии социально-экономического развития. Любое современное государство, реагируя на многочисленные провалы, фиаско рынка, проводит определенную политику, направленную на те социально-экономические, которые в противном случае будет просто некому решать. Экономическая политика – комплексная система мер, предпринимаемых деловыми предприятиями (прежде всего корпорациями), государством, межгосударственными организациями по упорядочению рыночных отношений, сведению к минимуму отрицательных последствий действия рыночного механизма само-

регулирования при сохранении его главных достоинств. Она осуществляется преимущественно на макроуровне, когда власти оказывают целенаправленное воздействие на совокупный спрос и совокупное предложение, а через них – на общий уровень цен, занятость, темпы экономического роста. Но и на микроуровне помимо корпоративного управления проводится государственное управление, например, посредством антимонопольной политики, создающей условия для здоровой конкуренции, или правового регулирования межфирменных взаимосвязей. Общая задача государственной политики – ориентация воспроизводственного процесса на заранее предусмотренный вариант социально-экономического развития страны.

Политика вообще есть искусство управления. Это общественная деятельность долгосрочного и краткосрочного характера (стратегия и тактика), направленная на защиту тех или иных социальных интересов, на завоевание и сохранение государственной власти. Под экономической политикой государства ее теоретик В. Ойкен понимал осознанные действия государственных институтов, нацеленные на изменение сложившейся экономической системы, корректировку тех или иных объективно протекающих в ней процессов. Придавая желаемое направление этим процессам, правительство и центральный банк по замыслу должны вроде бы стремиться к достижению стратегических и тактических целей всей страны и ее народа. Однако на деле в экономической политике зачастую находят отражение узкогрупповые интересы самих властных структур как непосредственных толкователей и интерпретаторов целевых установок – в случае, если народ безмолвствует и не стремится активно участвовать в целеполагании, в выработке и реализации генеральной линии общенациональных хозяйственных действий.

Уточняя трактовку В. Ойкена с учетом реалий сегодняшнего дня и проводя систематизацию государственной экономической политики, можно выделить следующие ее виды:

1. Политика «свобода действий + констебль», при осуществлении которой в стране сохраняется свободная рыночная экономика. Такая политика, распространенная во многих странах в XVIII–XIX вв., была основана на самостоятельном принятии решений рыночными субъектами, при этом экономическая роль государства сводилась лишь к защите частной собственности и не достигала минимальной границы его участия в экономике.

2. Политика централизованного управления экономикой, проводимая в СССР и ряде других социалистических странах и связанная с выходом государственного регулирования за пределы его максимальной границы, что выразилось в становлении экономической системы нерыночного типа.

3. Политика «срединного пути», приближающаяся к максимальной границе государственного присутствия в рыночной экономике и неизменно находящая компромисс между механизмом рыночного саморегулирования и централизованным управлением, что гарантирует полную занятость, проведение антициклического регулирования, обеспечение своевременных структурных сдвигов и т.п. Этот тип экономической политики реализуется сегодня в большинстве стран со смешанной, социально-ориентированной экономикой (скандинавских странах, Германии, Австрии и др.).

4. Политика конкурентного порядка, проводимая в странах с либеральной экономикой (Великобритании, США, Австралии и др.) Функционируя на уровне минимально необходимой границы своего присутствия в экономической системе и делая акцент на последовательную демонополизацию национального хозяйства, государство в то же время не допускает нанесения экологического ущерба и подрыва экономической безопасности страны.

5. Точечная (пунктирная) экономическая политика. Действия властей направлены на решение лишь отдельных наиболее острых проблем, создающих наибольшую угрозу для стабильности хозяйственной системы, на защиту интересов отдельных субъектов или сфер национальной экономики. Такое игнорирование принципа комплексности в реализации экономической политики не-

минуемо создает диспропорции в экономике, вызывая, например, товарно-денежную несбалансированность, несоответствие между потребительским и инвестиционным, добывающим и обрабатывающим секторами. Подобная политика стала проводиться в России с началом ее перехода к рыночным отношениям и сыграла немалую роль в нынешней примитивизации отечественной экономики.

Нерешенность проблемы смены типа экономического роста в нашей стране, перехода от сырьевой его модели к модели инновационной делает чрезвычайно актуальным рассмотрение альтернативных стратегий экономической политики российского государства с последующим выбором оптимального варианта. Опираясь на изучение накопленного к настоящему времени уникального опыта рыночной трансформации более трех десятков постсоциалистических государств, которая осуществлялась и яркими радикалами, и дирижистами, и даже откровенными коммунистами, можно выделить несколько альтернативных стратегий государственной социально-экономической политики.

Одной из таких стратегий является возвращение России к мобилизационной экономике, приход к власти сильной руки, которая обеспечит реставрацию политики централизованного управления (вариант А. Пиночета). Это могло бы реально противодействовать разрушительной тенденции последних десятилетий – «проеданию» инвестиционных ресурсов российских предприятий (особенно амортизационных фондов) в связи с их использованием на непроемкие нужды. В результате ввод в действие новых производственных фондов в течение многих лет оказывается в несколько раз меньше, нежели их выбытие, что делает неизбежными уже в обозримом будущем разрушение оборудования в базовых отраслях отечественной экономики из-за невосполнимого износа. В этих условиях с высокой долей вероятности можно говорить о целой серии грядущих техногенных катастроф. Выход из подобной тупиковой ситуации сторонники рассматриваемого курса видят в мобилизации государством через за-

предельные налоги внутренних ресурсов страны для быстрого наращивания ее инвестиционного потенциала.

Реализация этой стратегии означала бы возврат к прежней системе хозяйствования с фиксированными ценами «потолка», субсидируемым экспортом и крайне ограниченным импортом, искусственной поддержкой неэффективных рабочих мест и нерентабельных предприятий в рамках обширного государственного сектора. В воссоздаваемой за счет широкомасштабной национализации (причем не только естественных монополий и нефтяной отрасли) централизованно-планируемой экономике государство опять-таки играло бы решающую роль в развертывании всех социально-экономических процессов и становилось ведущим инвестором. Оно бы непосредственно формировало воспроизводственные пропорции, определяло через систему директивных заданий основные хозяйственные связи и параметры деятельности каждого предприятия (объем и ассортимент производимой продукции, ее цену, поставщиков ресурсов и потребителей готовой продукции), курс национальной валюты, препятствовало бегству капитала и миграции рабочей силы. До производителей, имеющих в подобной системе хозяйствования крайне низкую степень самостоятельности, стали бы опять доводиться централизованные планы повышения производительности труда и введения производственных фондов, направления использования фондов амортизации и формирования фондов оплаты труда (с позиций ограничения текущего потребления работников). В интересах наращивания инвестиций допускались бы широкая национализация коммерческих банков и тех предприятий, которые не подчинялись административному контролю, а также отказ властей от погашения внешнего и внутреннего государственного долга.

Реализация такого директивного сценария означала бы возрождение принципа максимальной возможности, в соответствии с которым все экономические процессы, поддающиеся централизованному воздействию, должны управляться теми или иными государственными органами, причем с использованием сугубо административных методов и расширением полномочий силовых струк-

тур. В лучшем случае это была бы экономика с экстенсивным типом роста, уравниловкой в оплате труда, тотальным товарным дефицитом, черным товарным и валютным рынками, жесткими протекционистскими мерами закрытия внутреннего рынка от иностранной конкуренции и с "временным" отказом от рыночных преобразований. В принципе такую программу крайне-левой (и примыкающей к ней националистической) оппозиции возможно осуществить в современной России посредством комбинированных мер гиперкейнсианской бюджетно-налоговой и денежно-кредитной экспансии, ведущей к инфляции спроса (преимущественно в подавленной форме), усилению бюрократического вмешательства в монополизированную экономику и резкому ограничению экономической свободы. Однако в случае ее реализации существует угроза построить нечеловеческими усилиями народа и с риском развернуть в стране гражданскую войну не некую супердержаву, а очередной колосс на глиняных ногах. По численности населения (около 142 млн человек) Россия в июле 2010 г. занимала лишь девятое место в мире, отставая не только от Китая (около 1338 млн человек), Индии (1166 млн человек) и США (307 млн человек), но и от Индонезии (240 млн человек), Бразилии (198 млн человек), Пакистана (176 млн человек), Бангладеш (156 млн человек) и Нигерии (149 млн человек). Что же касается объема ВВП, то реальная цель России – лишь сохранение ее нынешнего места (в настоящее время седьмого) в десятке крупнейших государств. «Поскольку население США более чем вдвое превышает население России, не говоря уже об Индии и Китае, вряд ли мы когда-нибудь, – резонно замечает А.Аганбегян, – сможет сравняться с этими странами по экономическому потенциалу. С учетом низкого уровня экономического развития двух последних (ВВП на душу населения в Китае втрое, а в Индии – в пять раз ниже, чем в России) они и дальше будут расти более высокими темпами, чем Россия»¹. Между тем вероятность задействования определенными политическими силами имен-

---

¹ Аганбегян А. О месте экономики России в мире // Вопросы экономики. 2011. № 5. С. 48.

но этого варианта остается и в настоящее время достаточно высокой, поскольку современная Россия является страной, решающей задачи догоняющего развития, а страны такого типа (как доказывает, например, опыт азиатских «тигров») зачастую платят за свой динамичный рост долгими годами диктаторских режимов. Проводившиеся в кризисные 1990-е гг. опросы общественного мнения показывали, что в России в то время нарастала численность граждан, которые предпочли бы перманентной инфляции и неуклонному сокращению социальных гарантий жизнь в условиях контролируемых государством потребительских цен и товарного дефицита. В настоящее время вариант А. Пиночета может осуществиться в случае резкого падения мировых цен на энергоносители, серьезного подрыва бюджетного равновесия, всплеска инфляции и массовых требований населения (поляризованного по уровню текущих доходов) навести, наконец, «порядок в стране». А в подобных условиях реставрация системы централизованного директивного планирования становится всего лишь делом времени.

Альтернативной мобилизационному варианту является стратегия преодоления трудностей периода рыночной трансформации посредством ликвидации заведомо убыточных производств и концентрации энергии властей на обеспечении взаимосвязанного развития частного и государственного секторов экономики, создании новых высокоэффективных рабочих мест, проведении глубокой структурной перестройки экономики. Регулятором хозяйственных связей в такой смешанной экономической системе становится рынок, но и государственная политика, опирающаяся преимущественно на экономические методы, играет существенную роль. В соответствии с принципом необходимости и концепцией рыночного фиаско вмешательство правительства и центрального банка допустимо и целесообразно только в тех сферах хозяйственной жизни, где рыночные механизмы по ряду причин не обеспечивают эффективного и справедливого использования производственных ресурсов.

Сторонников преодоления трудностей современной российской экономики через становление экономической системы смешанного типа можно разделить на две группы. Первая группа – экономисты неоконсервативного направления, отстаивающие вариант радикального либерализма и государственную политику конкурентного порядка, – продолжает и по сей день верить в действенность рыночных механизмов и частной инициативы. Они полагают, что именно внутренние силы формирующегося в России раскрепощенного, свободного рынка способны вывести ее на траекторию устойчивого роста. В качестве путей преодоления трансформационного спада эти ученые и либеральные политические круги рассматривают всемерное открытие российской экономики внешнему миру (включая вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО)), безусловное банкротство всех неэффективных предприятий (независимо от причин их тяжелого финансового состояния), форсированное развитие частного сектора как фундамента рыночной экономики, достижение макроэкономической стабилизации инструментами жестко ограничительной монетарной и фискальной политики и, наконец, скорейшее выстраивание институтов, обеспечивающих цивилизованное функционирование рыночных отношений. Расценивая рыночное саморегулирование не в качестве абстрактной теоретической конструкции, а как реально действующий на практике механизм, идеологи всемерной либерализации российской экономики убеждены, что в большинстве сфер хозяйственной жизни деятельность государственных органов несравненно менее результативна, чем инициатива частных компаний. Поэтому повышение народнохозяйственной эффективности возможно, только если государство уйдет из всех сфер, где его способен заменить частник, станет небольшим и дешевым для налогоплательщиков, а его доля в перераспределении ВВП будет кардинальным образом сокращена. Особое историческое наследие России они усматривают в традициях мощного бюрократического государства, в невероятно высоком уровне коррумпированности государственного аппарата, в результате че-

го реализация им даже элементарных общественных функций оказывается фактически парализованной.

Одним из ведущих постулатов, настойчиво отстаиваемых российскими рыночными фундаменталистами, выступает признание целесообразности направления нефтегазовых доходов бюджетной системы вовсе не на цели модернизации отечественной экономики, а на формирование фонда финансовых резервов – с последующим вложением их (во избежание инфляционного обесценивания огромных накоплений) в государственные и корпоративные ценные бумаги тех стран, которые являются нашими стратегическими конкурентами. Между тем подобный вариант финансового инвестирования, будучи целесообразным на фазе инфляционного бума для противодействия набирающей силу ценовой волне, попросту неприемлем в обстановке вялотекущего посткризисного роста, когда финансовая поддержка со стороны властей требуется деинвестируемому частному сектору национальной экономики (для всемерного наращивания потребительского и инвестиционного спроса его представителей), а вовсе не зарубежным компаниям. С этих позиций создание всевозможных «подушек безопасности», не позволяющих российскому государству реализовывать активную структурную и сильную социальную политику, на деле укрепляет экономическую безопасность далеко не нашей страны, поскольку влечет за собой свертывание большинства обрабатывающих высокотехнологичных производств, изначально объявляемых либералами неконкурентоспособными. А раз так, то признается неэффективным искусственное поддержание последних инструментом сдерживания внутрироссийских цен на топливно-сырьевую продукцию, которое обеспечивается ныне завышением экспортных пошлин на поставляемые за рубеж энергоносители. Поэтому предлагается последовательное приближение внутренних цен на энергоносители к мировым посредством поэтапной отмены этих пошлин – с компенсацией неизбежных бюджетных потерь за счет НДС и акцизов, взвинчивание которых поможет, якобы, провести модернизацию отечественной экономики путем резкого роста внутренних цен на

топливо и постановки предприятий перед нелегким выбором: либо прекращение самого их существования, либо радикальное энергосбережение.

Из списка приоритетных целей государственного регулирования представители радикально-либералистской концепции решительно исключают усиление социальной ориентации российской экономики (включая отказ от государственных пенсий и реализацию курса на частные пенсионные фонды). Более того, вразрез с общемировыми тенденциями последних десятилетий они отстаивают курс на «дальнейшее усиление антисоциальности и так-то предельно антисоциальной социальной политики»², аргументируемый ими как необходимостью всемерного поощрения сберегательной активности россиян, так и недопустимостью проявлений какого бы то ни было социального иждивенчества. Во избежание чрезмерного раздувания государственного сектора ими рекомендуется запуск очередной крупномасштабной приватизационной кампании, причем стремление к созданию широкого слоя неолигархических собственников, по их мнению, должно быть воплощено в установлении предельно низких цен на реализуемые госактивы.

Вместе с тем ученые, которые относятся к неоклассической школе и опираются, например, на монетаристскую теорию, признают, что некоторые важные хозяйственные функции (прежде всего денежно-кредитное регулирование экономики) должны находиться в исключительной компетенции государства в лице центрального банка. При этом государство должно стремиться к жесткому подавлению инфляции, даже если платой за это становится углубление спада производства и сокращение занятости населения. Таково, по их мнению, неременное условие последующего стремительного роста частных (в том числе иностранных) инвестиций – в связи с понижением номинальных процентных ставок – и соответственно выхода из кризиса на сугубо рыночной основе.

---

² Петров Ю. Экспортные пошлины на углеводородные энергоносители: отменить или усовершенствовать использование? (Об одном из предложений разработчиков «Стратегии 2020») // Российский экономический журнал. 2011. № 2. С.50.

Предполагается взять курс также на резкое сокращение налогового бремени и достижение тем самым (вкуче с радикальным урезанием расходов государства на инвестиционные и социальные нужды) бездефицитного бюджета, ускоренное погашение внешнего долга и недопущение новых масштабных займов.

В результате реализации этого варианта рыночных преобразований Россия, по мнению радикальных либералов, должна стать среднеразвитой демократической страной с приемлемым стандартом жизни для большинства своих граждан и без всяких притязаний на мировое господство. Однако такой путь чреват значительным риском и содержит угрозу подрыва национальной безопасности нашей страны. Чрезмерная открытость экономики, слабость государства и отсутствие многих звеньев рыночной инфраструктуры, формирование которых в сжатые сроки выглядит проблематичным, вполне может вылиться в лавину банкротств потенциально жизнеспособных отечественных предприятий. Нарастающая безработица, а также повышение тарифов естественных монополий, почувствовавших широкую свободу в сфере ценообразования, способны породить новую волну экономического спада и спровоцировать общенациональный политический кризис. Кроме того, в рамках радикально-либерального варианта, сторонники которого основные надежды возлагают на «невидимую руку» рынка, едва ли может получить конструктивное разрешение специфическая российская проблема уникальных структурных диспропорций, без чего трудно всерьез рассчитывать на относительную стабильность общего уровня цен и устойчивый экономический рост. В этом случае национальное богатство нашей страны, скорее всего, станет неотъемлемым составным элементом сложившейся в современном мире системы минерально-сырьевого капитала, управляемой постиндустриальными странами «Большой семерки», и прежде всего США.

Экономико-политическую ситуацию в современной России не случайно сравнивают с обстановкой в Советском Союзе времен позднего нэпа. Отстаиваемый Н. Бухариным и Н. Кондратьевым вариант эволюционных хозяйственных преобразований либерального типа представлялся тогда труднореализуе-

мым из-за острой необходимости в преддверии ожидавшейся большой европейской войны любой ценой провести радикальную модернизацию отечественной экономики. Сегодня же перед нею стоит не менее серьезная угроза полного исчезновения «подорванных» в кризисные 1990-е гг. машиностроения, сельского хозяйства, многих отраслей сферы услуг, а значит, и массовой безработицы – в связи с форсированным присоединением к ВТО. И адекватным ответом нашего общества на эту угрозу может стать лишь революционная модернизация обрабатывающих отраслей, ориентированных на внутренний рынок. Однако решение данной задачи попросту немыслимо при реализации политики «безучастного государства», освобожденного от ответственности за текущее состояние и будущее развитие национальной экономики, и диктует необходимость активного вмешательства обновленного государства в назревшие структурно-инвестиционные преобразования. Зарубежный опыт свидетельствует, что разрушение административно-командной системы и запуск либеральных реформ, нацеленных на укрепление рыночных механизмов, оказываются способными обеспечить преодоление отсталости и стабильный рост ВВП на длительном временном интервале только при условии их органичного сочетания с выработкой четкой стратегии развития национального хозяйства и ее обеспечения средствами государственной экономической политики.

Вторую группу составляют экономисты-государственники, поддерживающие государственную политику «срединного пути». Они отстаивают приоритет обеспечения полной занятости, устойчивого экономического роста в нашей стране и признают невозможным (и нежелательным) возрождение механизмов директивного централизованного управления как целостной системы, а главным резервом российской экономики считают восстановление ее управляемости при активном участии государства в хозяйственной жизни страны, причем не только как реформатора, но и как действующего предпринимателя и инвестора. Признавая опасность коррупции, они все же склонны усматривать перспективы борьбы с этим злом, а потому расценивают государственную эконо-

мическую политику не как некое вспомогательное звено, а в качестве не менее важного (по сравнению с рыночной самонастройкой воспроизводства) механизма регулирования российской модели смешанной экономики. Только разумная и активная государственная (особенно структурная) политика способна, по мнению этих сторонников дирижистской модели, содействовать скорейшему восстановлению и последующему превышению докризисного объема ВВП параллельно со становлением отечественной разновидности рыночного хозяйства. Делая акцент на формирование и осуществление бюджетно-налоговой политики (причем в ее стимулирующем, а вовсе не ограничительном варианте), государственники считают появление в экономической системе России бюджетного дефицита (носящего в условиях неполной занятости циклический характер) и умеренной инфляции некоей платой за наращивание ВВП. Социальные расходы государства характеризуются ими не просто как благотворительность властей, а в роли значимого инструмента обеспечения экономического роста. Налоговая нагрузка в российской экономике, по их мнению, заведомо не может быть слишком низкой в связи с потребностью финансирования государством значительного объема общественных и квазиобщественных благ. Наращивание инвестиционных и социальных расходов правительства признается допустимым за счет некоторого расширения лимита государственного долга с перевесом в его структуре внешних заимствований над внутренними – во избежание подрыва частного инвестиционного спроса. При реализации долговой политики первенство должно отдаваться погашению долга перед собственным народом. Вступление в ВТО считается вовсе не самоцелью, а средством обеспечения высококачественного роста нашей страны, а потому необходимо в течение определенного времени после такого вступления обеспечить для противодействия массовым банкротствам многих отраслей и производств надежную защиту обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства протекционистскими барьерами и адекватной (несколько ослабляющей рубль) валютной политикой.

До середины 1998 г. в коридорах российской власти безоговорочно господствовали либеральные взгляды, хотя ни в одной из развитых стран сегодня невозможно встретить подобный тип рыночной экономики, носящий скорее теоретический характер. В рамках реализуемой концепции так называемой оптимизации преобладали неоклассические идеи решительного отделения государства от экономики, существенного сокращения (в ходе приватизации) масштабов государственного сектора, минимизации степени содействия правительства и центрального банка наращиванию конкурентоспособности отечественного капитала. Уникальной особенностью российского либерализма в 1990-е гг. явилось сочетание тенденции к неуклонному сокращению функций государства, решительному сбрасыванию все большего их числа на плечи частного сектора с сохранением заведомо высокой налоговой нагрузки на отечественную экономику. Социальной ценой за этот выбор стало резкое ухудшение финансового состояния большинства предприятий обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, строительства и других, не относящихся к отраслям с четкой экспортной ориентацией. Прогрессирующий спад производства в этих жизнеобеспечивающих отраслях неуклонно повышал степень зависимости отечественной экономики от импорта потребительских товаров, который в свою очередь приводил либо к росту внешнего долга страны, либо к вынужденному наращиванию экспорта топлива и сырья для получения необходимой валютной выручки. В условиях жестких бюджетных ограничений за гранью выживания оказались отечественное машиностроение и весь высокотехнологичный комплекс нашей страны. Стремительный (хотя и с некоторым запаздыванием) рост безработицы и нищеты привел к обострению социальной напряженности в российском обществе. Желание удержать политическую власть привело ее представителей к вынужденному и запоздалому решению о наращивании трансфертных платежей из государственного бюджета, реализация которого в условиях экономического спада и сжатия налогооблагаемой базы усилила бюджетную несбалансированность. Стремясь не допустить чрезмерного инфляционно-

го всплеска в поствыборный период, финансовые власти провели секвестирование государственных расходов (в первую очередь инвестиционной направленности). Переход от денежного к долговому финансированию бюджетного дефицита – тоже в антиинфляционных целях – не мог не вызвать нарастания процентных ставок и интенсивного проявления эффекта вытеснения частных инвестиций. Валютно-финансовый кризис августа 1998 г., ставший наглядным свидетельством провала курса на реализацию либеральной идеи о марш-броске в свободную рыночную экономику, заставил общество заплатить чрезвычайно высокую цену за преодоление инфляции. Впрочем, российское государство на том этапе оказалось неспособным решить и задачу долгосрочной ценовой стабильности.

В нашей стране после августа 1998 г. и по настоящее время реализовывался некий промежуточный вариант, отнюдь не являющийся золотой серединой между либеральной моделью и моделью, отстаиваемой рыночно мыслящими государственниками. Он связан с сохранением существующей относительно благоприятной социально-экономической ситуации в течение как можно более длительного временного интервала. Главным условием достижения такого состояния статус-кво (от лат. status quo – «положение, которое было»), опирающегося на инерционность сложившихся в пореформенной России тенденций, является способность фискальных и монетарных властей (где представлены сторонники принципиально различных стратегий развития нашего общества), в целом несущихся по воле волн, постоянно находить некий компромисс в макроэкономических целях, не выходя за рамки пороговых значений таких индикаторов конъюнктуры, как абсолютная и относительная величина бюджетного дефицита (профицита) и государственного долга, уровень инфляции и безработицы, масштабы денежной эмиссии. Стремление к выбору наилучшей в каждый конкретный момент комбинации либерального и патерналистского вариантов развития позволяло правительству вплоть до осени 2008 г. избегать крупных неудач, хотя и ценой отсутствия в его деятельности сколько-нибудь громких

успехов. При этом некоторые бесспорные достижения властей в немалой степени обусловлены их очевидным стремлением осуществлять предсказуемую экономическую политику, приводить социально-экономические обязательства государства в строгое соответствие с его возможностями – как это можно было наблюдать, например, в реформе по замене льгот денежными компенсациями.

Подобный вариант вряд ли можно назвать стратегией, поскольку в нем, безусловно, преобладает тактический аспект. Он означает движение отечественной экономики как по лезвию бритвы, когда, с одной стороны, провозглашается интеграция России во всемирное хозяйство, а с другой – осуществляется защита российских производителей от конкуренции из-за рубежа. Правительственные финансисты в этих условиях неустанно изобретают новые инструменты, позволяющие, не слишком нарушая закон о федеральном бюджете, регулярно перебрасывать средства с одних его расходных статей на другие (например, бастующим шахтерам, нуждающимся в жилье военным, на нейтрализацию вспышки недовольства бывших льготников или на помощь пострадавшим при крушении «Невского экспресса», пожаре в пермской «Хромой лошади» и погорельцам лета 2010 г.). Таким образом, уже не допускается отстаиваемая либералами излишняя жесткость финансово-кредитной политики (чтобы не породить новый экономический спад), но при этом не приветствуется стремление государственников дополнительными правительственными расходами и другими инфляционными мерами ускорить рост обрабатывающих отраслей реального сектора. Более или менее надежный контроль над инфляцией, угроза которой все же сохраняется хотя бы по причине регулярно набирающих силу инфляционных ожиданий населения, достигается в этом случае за счет притока в страну нефтедолларов и укрепления тем самым реального обменного курса рубля в сочетании с расширяющимися золотовалютными резервами. Следовательно, реализация варианта, предполагающего сохранение статус-кво, при котором не оправдываются как самые пессимистические, так и наиболее оптимистические прогнозы развития экономики, находится в определяющей зависимости от со-

хранения (и возвращения после некоторой кризисной паузы) благоприятной для нашей страны ценовой конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей и сырья, с которой непосредственно связана сформированная в России разнообразность экспортно ориентированного хозяйства. Пока основанная на нефтегазодолларах финансовая ситуация остается относительно благоприятной, инерционный сценарий наверняка будет расцениваться в качестве основного. В любой стране риск радикальных реформ, чреватых сменой правящего режима, власти стремятся свести к минимуму, перекладывая разрешение накопившихся противоречий на плечи своих преемников.

Конечно, сегодня нет очевидных проявлений той крайней степени дерегулирования отечественной экономики, которая обозначилась в 90-е гг. XX в. и фактически свелась к решительному вытеснению государства из экономической системы. Однако и по сей день специфически-российская формула государственно-частного партнерства характеризуется очевидной слабостью первой его стороны, когда власти в одностороннем порядке регулярно инициируют некие социальные и экономические программы, а «частный сектор продолжает выторговывать лишь более благоприятный для себя режим сырьевого экспорта, не занимаясь не только расширенным, но даже простым воспроизводством крупно-машинного капитала, применяемого в обрабатывающей индустрии страны, в производствах инновационного оборудования и высоких технологий»³. Безусловно доминируя в структуре национального хозяйства, предприятия сырьевого сектора, использующие свои тесные связи с бюрократией, неизменно достигают финансового благополучия за счет вывоза капитала в оффшоры, поддержания благоприятного налогового режима, монополистического диктата на внутреннем рынке, закрытости отечественной экономики от международной конкуренции и других, нередко сопряженных с коррупционными схемами, механизмов. В начале XXI в. сколько-нибудь существенных измене-

---

³ Губанов С. Изъяны политики «социально ответственного бизнеса» (на примере металлургии) // Экономист. 2007. № 8. С.3.

ний в природе экономической системы России не произошло: так и не сумев противопоставить что-либо господству сырьевого капитала в воспроизводственной системе, власти ограничились лишь корректировкой пропорции деления получаемой валютной выручки между государственным и частным секторами – без видимых попыток осуществления комплексной промышленной политики.

Развернувшийся на наших глазах мировой финансово-экономический кризис – зримое подтверждение неадекватности либеральной идеологии объективным потребностям развития – сделал чрезвычайно актуальной проблему кардинальной смены государственной экономической политики. Финансовый крах модели сырьевого государства, основанной на поиске глубинных источников развития российской экономики преимущественно за пределами нашей страны, требует формирования качественно иной модели национального хозяйства, которая опирается на внутренние источники развития последнего. Становление подобной модели требует формирования политики «срединного пути», в рамках которой существенно расширяются функции российского государства – с бесспорным акцентом на осуществление прогрессивных сдвигов в структуре ВВП и становлением в нашей стране социально ориентированной национальной экономики.

Список литературы

1. Аганбегян А. О месте экономики России в мире // Вопросы экономики. 2011. № 5. С. 48.
2. Губанов С. Изъяны политики «социально ответственного бизнеса» (на примере металлургии) // Экономист. 2007. № 8. С.3.
3. Петров Ю. Экспортные пошлины на углеводородные энергоносители: отменить или усовершенствовать использование? (Об одном из предложений разработчиков «Стратегии 2020») // Российский экономический журнал. 2011. № 2. С.50.

References

1. Aganbegyan A. *O meste ekonomiki Rossii v mire* [Russia's place in the world economics]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 5 (2011): 48.
2. Gubanov S. *Izyany politiki «sotsial'no otvetstvennogo biznesa»* (na primere metallurgii) [Drawbacks of the “socially responsible business” policy (metallurgy as an example)]. *Economist*, no. 8 (2007): 3.
3. Petrov Y. *Eksportnye poshliny na uglevodородные energonositeli: otmenit' ili usovershenstvovat' ispol'zovanie?* (Ob odnom iz predlozheniy razrabotchikov «Strategii 2020») [To abandon or to improve execution of export duties for carbon energy sources (about the one of the proposals of “Strategy 2020” authors)]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, no. 2 (2011): 50.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Капканщиков Сергей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономической теории

Ульяновский государственный университет

ул. Л. Толстого, 42, г. Ульяновск, 432017, Россия

Капкан@front.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Капканшчиков Sergey Gennadevich, Doctor of Economic Sciences, professor,
head of the Department of Economic Theory

Ulyanovsk State University

42, L. Tolstogo str, Ulyanovsk, 432017, Russia

Капкан@front.ru

Рецензент:

Гурова И.П., доктор экономических наук, профессор